

8. Игнатъев В. И. Системно-генетическая динамика социума. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2007. 296 с.
 9. Ignatyev V. I. The Information Resonance in Social System. Novosibirsk: NSTU Publisher, 2016. 287 p.
 10. Дойч Д. Структура реальности. Наука параллельных вселенных / пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 430 с.
 11. Менский М. Б. Сознание и квантовая механика: Жизнь в параллельных мирах. Фрязино: Век 2, 2011. 319 с.
 12. Игнатъев В. И., Владимиров Т. В., Степанова А. Н. Социальная система как информационное взаимодействие. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. 208 с.
-

V. I. Ignatyev
Novosibirsk State Technical University

DECONSTRUCTION OF THE SOCIAL REALITY IN THE INFORMATION-QUANTUM RESONANCE

The relationship between social transformation and growth of information flows is examined. The effect of informational resonance is revealed and analyzed. The reasons of information ontology of modern society are identified. The mechanism of mutation of social action is revealed and analyzed. The author substantiates the statement that information explosion puts social systematic destruction. The everyday life structures immerse individuals into space of constructed alternatives to social reality. The author argues that the individualized society is becoming a reality and is acquiring a character of the «quantified social reality». The possibility to use quantum paradigm approach in the version «of states relativity» by H. Everet in social theory is considered. The «Shadow» social actions are interpreted as hidden shadow connotations.

Informational resonance, individualization, social reality, virtual social action, quantum effects, shadow particles, parallel universes

УДК 32:316.77

В. П. Милецкий, Н. П. Пименов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

СОВРЕМЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассматривается современный инструментарий исследования политических коммуникаций, представленный в политическом мониторинге, лингвистическом и психологическом подходах. Проводится их сравнительный анализ с целью выявления достоинств и недостатков каждого. Использование перечисленных подходов позволило авторам провести анализ политических коммуникаций в современном российском обществе, выявить их специфические особенности и тенденции развертывания.

Политические коммуникации, политический мониторинг, лингвистический метод, психологический метод, психологические портреты российских политиков

Современная политическая социология все больше обращается к прикладным методам исследования, позволяющим собрать и обработать эмпирический материал для подтверждения или опровержения тех или иных гипотез. Традиционно многими учеными использовался метод

моделирования в изучении коммуникативных процессов в политике, который позволяет на основе сопоставления различных позиций проследить, какие проблемы находились в центре исследований на различных этапах исторического развития. Вместе с тем в настоящее время все более востребованными становятся междисциплинарные инструменты познания, к которым относятся политической мониторинг, лингвистический и психологический подходы. Весьма высок их эвристический потенциал в изучении политических коммуникаций в современном трансформирующемся российском обществе, которое в последнее время в связи с известными санкциями западных стран против России и падением цен на нефть вошло в «зону высокой турбулентности». Рассмотрению роли политического мониторинга, лингвистического и психологического подходов в исследовании социодинамики современных политических коммуникаций в трансформирующемся российском обществе посвящена настоящая статья.

Прежде чем будут рассмотрены вышеназванные подходы, уместно напомнить, что политические коммуникации являются разновидностью социальных коммуникаций. Их специфика определяется целесообразной деятельностью политических акторов, отражающей их интересы, намерения и цели в отношении получателя политической информации. При этом в содержательном отношении политические коммуникации имеют те же свойства и параметры, которые присущи любым коммуникациям в обществе. Они также осуществляются с помощью языка как основной знаковой системы представления информации, находятся в постоянном динамичном развитии благодаря научно-техническому прогрессу, создающему новые каналы передачи информации. Их развертывание возможно лишь при частичном несовпадении информационных потенциалов субъектов коммуникации, ибо в случае полного совпадения информационных потенциалов коммуникантов обмен информацией обесценивается и реальная коммуникация исключается. В свете изложенного политические коммуникации представляют собой смысловое содержание социального взаимодействия политических субъектов по поводу власти и властных отношений путем создания, трансляции политической информации и последующего обмена ею [1, с. 31–34].

В современной политической социологии при изучении коммуникативных процессов все активнее применяется **политический мониторинг**, который подразумевает использование следующих социологических методов: наблюдения, анализа всевозможных политических документов, контент-анализа, социологических опросов, включая экспертные интервью. Политический мониторинг в этом отношении выступает как комплексная научная технология, предусматривающая оценку, прогноз состояния и тенденции развития политических явлений. Он особо важен для изучения всего многообразия современных политических коммуникаций и предполагает регулярное исследование определенных политических заявлений или сообщений политических акторов, расположенных в хронологическом порядке, их соотнесение с развитием общей политической ситуации в обществе, включая обнаружение тенденций в действиях.

Проведение политического мониторинга, как известно, включает в себя несколько этапов. На первом этапе выбирается объект исследования, уточняются цели, определяются хронологические рамки исследования, обозначается гипотеза исследования, формулируются предполагаемые результаты. На втором этапе классифицируются источники получения информации, методы ее систематизации и обработки. Большое значение имеет также выбор оптимальной формы, содержания и периодичности итоговых материалов.

На третьем этапе непосредственно происходит сам политический мониторинг, а на четвертом – обработка его результатов и соотнесения их с гипотезой и предполагаемыми итогами.

Учитывая разнообразие и большое количество материалов, транслируемых в средствах массовой информации, официальных и неофициальных документов и других данных, содержащих политическую информацию и отражающих процессы борьбы за власть, ее удержание и использование в процессе политической деятельности, особую роль среди всех методик играет контент-анализ. Он становится одним из важнейших вспомогательных средств подготовки и реализации политических решений и прогноза, превращается в наиболее распространенный научный инструмент прикладного изучения текстовой информации. Суть этой методики заключается в систематическом выделении и фиксации определенных единиц содержания текста, квантификации полученных данных и дальнейшей интерпретации результатов с целью оценки и прогнозирования действий политических акторов. Все большее распространение получает его применение в направленном анализе содержания конкретных политических документов, важнейших выступлений политических деятелей или отдельных тематических очерков.

Основными достоинствами контент-анализа считаются следующие. Во-первых, присущая ему технология изучения информации, которая за счет взаимодействия с общественным или субъективным фоном проводимого исследования не искажает результаты ее обработки. Во-вторых, эта методика дает представление об объектах, которые исследователь непосредственно не наблюдает. Правда, контент-анализ не всегда целесообразно использовать, например, если исследователь имеет дело с уникальными документами, в изучении которых главная цель состоит во всесторонней содержательной интерпретации материала. Данная методика также не позволяет получить информацию о субъективном мире людей, их склонностях, мотивах деятельности, мнениях и др.

Более содержательное знание позволяет получить социологический опрос. Будучи одним из лучших источников знания о внутренних побуждениях людей, этот метод при соблюдении надлежащих условий и предосторожностей позволяет получить надежную и репрезентативную политическую информацию [2, с. 143]. Опрос предоставляет исследователю возможность получить информацию о фактах, знаниях, мнениях, отношениях и поведенческих составляющих (отчетах) респондентов. К *фактам* относятся биографические сведения о респонденте (возраст, род занятий, место рождения). *Знаниями* являются суждения респондента об окружающем мире. Под категорию *мнений* попадают суждения респондента о его предпочтениях или взглядах на определенные предметы и события. К *отношениям* можно причислить сравнительно устойчивые настроения респондентов и их оценки определенных событий, явлений и идей. Наконец, *поведенческими составляющими (отчетами)* выступают утверждения респондентов о том, как они поступают в том или ином случае (например, голосуют, участвуют в деятельности какой-либо политической организации и др.) [3, с. 28–36].

И социологический опрос, и анализ документов предполагают получение политической информации, воспринятой и интерпретированной другими людьми. В случаях, если появляется необходимость непосредственной фиксации событий самим исследователем, применяется социологическое наблюдение (преимущественно стандартизированное), под которым обычно понимают прямую регистрацию событий ученым. В отличие от обыденного наблюдения, оно характеризуется тем, что, во-первых, подчинено ясной исследова-

тельской цели и четко сформулированным задачам. Во-вторых, наблюдение планируется по заранее обдуманной процедуре. В-третьих, все данные наблюдения фиксируются в протоколах или дневниках в определенном порядке. В-четвертых, полученная путем наблюдения информация должна поддаваться контролю на обоснованность и устойчивость [2, с. 122]. В числе *недостатков* этого метода — опасность утраты включенным наблюдателем научной объективности в случае слишком глубокого погружения в позицию обследуемых социальных объектов или включения в изучаемую социальную среду.

Значимость **лингвистического подхода**, связанного с изучением политического языка со стороны филологии, можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, лингвистическая теория в течение всего своего развития периодически обращалась к реальным сферам функционирования языковой системы, включая политическую. Во-вторых, изучение некоторых политических проблем требует участия филологов, которые помогают выявлять взаимовлияние политического мышления и языковой формы и разрабатывать методики анализа политических текстов в СМИ для определения различных тенденций в сфере общественного сознания. В-третьих, значимость лингвистического подхода объясняется социальным заказом и стремлением освободить политическую коммуникацию от манипуляций общественным сознанием [4, с. 245]. Поэтому лингвистический подход чаще всего выражается в использовании следующих методик: риторического анализа, лингвокогнитивного анализа, метафорического моделирования, семантического анализа, лингвоидеологического анализа и дискурс-анализа.

Основными направлениями *риторического анализа* политической коммуникации являются: изучение специфики русского политического красноречия, риторических средств убеждения, обмана и манипулирования, современной риторической культуры в политической сфере; создание риторических портретов политических деятелей, системы аргументации, приемов целесообразной и убеждающей речи, характерной для профессиональной деятельности политиков.

Если говорить о системе аргументации, то обычно выделяют три типа риторических доказательств: естественные доказательства (использование эмпирических данных), логические доказательства (использование логики) и доводы «к человеку» (использование психологии). К ним можно также отнести еще один вспомогательный источник доказательства, называемый доводами к доверию или недоверию, когда оратор, подкрепляя свои выводы, ссылается на авторитеты других людей, а для ослабления позиции оппонента подвергает его авторитеты сомнению [5, с. 32].

Лингвокогнитивный анализ политических коммуникаций основывается на когнитивном подходе, который, во-первых, связывает форму речевого произведения с универсальными познавательными процессами (порождение речи, интерпретация сообщения, семантический вывод с определением коммуникативных устремлений и прагматических целей автора); во-вторых, в определенной мере ставит вербальное оформление сообщения в зависимость от языковой компетенции автора и его внеязыковых знаний [6, с. 15]. Когнитивный подход используется при анализе политического текста для уяснения представлений политического деятеля о структуре политической ситуации, о целях политической деятельности, о своем ценностном мире и т. д. Кроме того, он позволяет выявить ментальные схемы или когнитивные модели, которые лежат в основе политического текста.

Структура и содержание этих когнитивных моделей имеют большое значение для эффективного речевого взаимодействия различных политических сил, помогают раскрыть особенности мышления представителей государственных и негосударственных институтов в конкретный исторический период и строить предсказывающие модели [7, с. 5]. Применение этой методики позволяет избежать недостатков традиционного экспертного анализа текстов, который характеризуется неясностью критериев отбора выделяемых в тексте смысловых структур и невозможностью верифицировать результаты анализа [8, с. 16].

Лингвокогнитивный анализ политической коммуникации главным образом связан с изучением концептов, концептуальных метафор и идеологических представлений, содержащих представления «о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких квантов знания» [9, с. 90]. Для современного российского политического дискурса характерна концептуальная разногласица, заключающаяся в различном смысловом наполнении слов политическими лидерами и политическими партиями, выражающими ценности русского социума.

Например, концепт «справедливость» используется левыми партиями (КПРФ) в значении «равенство при распределении материальных благ» и объясняется сложившимся в советский период восприятием этого понятия. В то же время центристские и правые партии («Единая Россия», ЛДПР) в понятие «справедливость» вкладывают равенство возможностей для граждан страны. В результате имеет место столкновение двух векторов в понимании справедливости, связанных с уравнительностью и соревновательностью [10].

Центральное место в когнитивной лингвистике занимает проблема категоризации окружающей действительности; важную роль здесь играет метафора, которую принято определять как основную ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира. *Метафорическое моделирование* позволяет выявить способы осмысления политической ситуации, присущие определенному дискурсу и конкретным политическим субъектам. Использование воздействующего потенциала метафор в устной и письменной речи в определенной мере позволяет влиять на восприятие человека и формировать оценку событий и явлений. Кроме того, метафоры играют особую роль в принятии политических решений, так как помогают выработке альтернатив, из которых далее осуществляется выбор [11, с. 10, 39]. Так, по мнению Т. С. Вершининой, в современном дискурсе преобладает традиционная для национального сознания россиян концептуальная органистическая метафора, которая объединяет фитоморфные, зооморфные и антропоморфные образы и во многих случаях противопоставляется механистической и социальной метафоре. Такая метафора позволяет передавать информацию в яркой, краткой и доступной форме, обладает мощным концептуальным и прагматическим потенциалом [12, с. 24].

Необходимо отметить, что метафорическая система общественных представлений о политической реальности со временем варьируется. К. де Ландшер с помощью контент-анализа доказал, что между частотностью метафор и политическими и экономическими кризисами существует взаимозависимость, выражающаяся в том, что количество метафор увеличивается в периоды кризисов. Эти наблюдения послужили подтверждением того, что метафора является важным средством разрешения проблемной ситуации. Впоследствии они были положены в основу комбинаторной теории кризисной коммуникации (CCC-theory) [13, с. 129–148].

Семантический анализ ориентирован на уяснение того, как проявляются политические представления в использовании стилистически нейтральной и нетерминологической лексики. По мнению Р. М. Блакара, каждый, кто в состоянии воздействовать на кого-либо, «осуществляет власть» [14, с. 102]. К «языковым инструментам власти» ученый относит: выбор слов и выражений; создание новых слов и выражений; выбор грамматической формы; выбор последовательности; использование суперсегментных признаков (эмфаза, тон голоса и т. п.); выбор имплицитных или подразумеваемых предпосылок.

Лингвоидеологический анализ исходит из того, что именно в политическом дискурсе посредством социальных позиций идеологии находят отражение в качестве элемента общественного сознания. Они связаны с сознательным воздействием на язык. Его функционирование и развитие оказывают непосредственное влияние на лексико-семантическую систему, маркирование лексики и ее размещение на аксиологической шкале [15, с. 7]. Этот вид анализа предполагает рассмотрение следующих аспектов политического дискурса: уровни, структуры, стратегии или шаги, в которых идеологические убеждения выражают себя в дискурсе; дискурсивные доказательства взаимодействия различных идеологий. Задача исследователя состоит в том, чтобы выявить идеологии, с которыми идентифицирует себя выступающий (консерватор, социалист, националист и др.), и определить, как они выражаются – эксплицитно или имплицитно.

Наконец, последней методикой, используемой лингвистическим методом, является *дискурс-анализ*. Среди всех направлений дискурс-анализа, различающихся фокусом исследовательского интереса, чаще всего используется критический подход Н. Фэркло, который сконцентрирован на создании теоретической модели и методологических инструментов для эмпирического исследования дискурса в повседневном социальном взаимодействии. Ученый предложил трехмерную модель критического дискурс-анализа, в основе которой лежит положение, согласно которому изолированное понимание или анализ текстов невозможны. Поэтому их необходимо рассматривать только во взаимосвязи с другими текстами и социальным контекстом. Согласно трехмерной модели любой речевой случай является коммуникативным событием, состоящим из трех компонентов, каждый из которых должен подвергаться тщательному неформализованному анализу:

- текст (речь, письмо, визуальный образ или их сочетание);
- дискурсивная практика, включающая производство и потребление текстов;
- социальная практика [16, с. 72].

Анализ текста сконцентрирован на формальных особенностях (лексика, грамматика, синтаксис и связность предложения), с помощью которых различные дискурсы и жанры реализуются лингвистически. Анализ дискурсивной практики, выступающей посредником между текстами и социальной практикой, основывается на исследовании контекста создания и восприятия текста. Изучение социальной практики предполагает выявление более широкого социального контекста усвоения текста в обществе, которому принадлежит коммуникативное событие [17, с. 120–123].

Психологический подход развивается на стыке политической психологии, изучающей роль «человеческого фактора» в политических процессах, и политической лингвистики. Он предусматривает реализацию трех исследовательских практик: психологического анализа, мотивационного анализа, интент-анализа. Каждая из этих практик использует в качестве материала исследования устные и письменные тексты политических деятелей, позволяющие получить целостное представление об объекте исследования.

Психологический анализ политического текста позволяет выявить невербальные характеристики лидера, опираясь на вербальные особенности его текстов. Объективность психологического анализа текста строится на подсчете элементарных языковых проявлений: частота употребления местоимений *я* или *мы*, соотношение *я/мы*, использование личных местоимений в косвенных падежах, выражение чувств и оценки, обращение к аудитории, интенсификация наречием, отрицательные предложения, риторические вопросы, отступления от темы выступления, неологизмы, квалификаторы (наречия меры и степени) и др. [18].

В рамках политического анализа принято выделять три структурных компонента личности политического лидера: когнитивный, аффективный и поведенческий, комплексное изучение которых позволяет определить систему взглядов политика на мир, отношение к явлениям и процессам в политической сфере и объяснить его поступки и поведение [19, с. 91]. Когнитивный компонент составляет основу политического сознания личности и включает в себя ее знания, ценности, установки, представления, стиль принятия решений, особенности политического менталитета и операциональный код. Операциональный код – это психологический концепт, который описывает содержание политических позиций и взглядов личности и механизмы ее действия [20, с. 7].

В качестве примеров можно привести операциональные коды российских президентов. Операциональный код Б. Н. Ельцина сочетал в себе враждебность политического мира и оптимизм, конкретные и глобальные цели, низкий контроль над событиями и политическую волю. Операциональный код В. В. Путина характеризует его как волевого человека, который с оптимизмом смотрит в будущее, ставит глобальные цели, дружелюбно настроен к Западу и внешнему миру в целом, но не исключает проявлений враждебности с их стороны. Операциональный код Д. А. Медведева характеризуется балансом между восприятием политического мира как враждебного или дружественного, сдержанным оптимизмом, реалистичностью, уверенностью в контроле над происходящим, преимущественным настроем на глобальные и долгосрочные цели развития российского общества [19, с. 95–97].

Аффективный компонент, непосредственно связанный со сферой бессознательного, отражает эмоциональное отношение личности к политическому объекту и включает в себя потребности, мотивы и Я-концепцию личности. Одним из наиболее существенных аспектов Я-концепции является самооценка. Исследования показали, что чем выше самооценка у политических деятелей, тем хуже они реагируют на ситуацию и ниже их реактивность. Лидеры с высокой самооценкой меньше зависят от внешних обстоятельств, у них более стабильные внутренние ориентиры, на которых базируется их самооценка [20, с. 365]. Важным параметром сравнительного анализа Я-концепции политических лидеров является ее сложность, которую можно определить как число аспектов Я, воспринимаемых политическим лидером. Именно критерии сложности и самооценки лежат в основе типологии личностей политических лидеров, сформулированной Р. Зиллером и его коллегами.

Они выделяют, во-первых, «аполитичных» политиков, у которых отмечаются высокая самооценка и высокая сложность Я-концепции; во-вторых, «прагматиков», умеющих сочетать невысокую самооценку и высокую сложность Я-концепции; в-третьих, «идеологов», имеющих высокую самооценку и низкую сложность Я-концепции; в-четвертых, «недетерминированных» политиков, обладающих низкой самооценкой и невысокой сложностью Я-концепции [21, с. 176–204].

В качестве примеров можно привести двух российских федеральных деятелей. Так, председателя Центробанка России Э. М. Набиуллину, не слишком удачно борющуюся с па-

дением рубля в декабре 2014 г., характеризуют высокая сложность Я-концепции и заниженная самооценка (тип «прагматика»), что выражается в виде повышенной чувствительности к социальным стимулам и мнению окружающих, модификации политического поведения на основе обратной связи. У министра обороны РФ С. К. Шойгу адекватная самооценка и высокая сложность Я-концепции («аполитичный» политик). Он уважительно относится к другим лидерам и высоко оценивает самого себя и свои действия [19, с. 98–99].

Что касается поведенческого компонента в структуре личности, то он выражается в поведенческих актах и включает в себя стиль межличностных отношений, поведенческий стиль, стиль принятия политических решений. В психопатологической типологии Г. Лассуэлла выделяются три типа поведения политиков: «агитатор», «администратор», «теоретик». «Агитаторы» стремятся к власти, используя свое красноречие или способности письменного обращения к большим аудиториям. Им также свойственно ощущение исключительного права говорить о некоторых проблемах от имени определенных слоев общества и самоощущение в качестве некоего «мессии». «Администраторы» – это исполнители, которым свойственны высокие амбиции, специфическое отношение к власти как к ресурсу, который можно использовать, тратить и наращивать. Они мастерски координируют политические действия, отличаются решительностью, активностью и способностью структурировать ситуации. «Теоретики» (эксперты, идеологи) дают идеологические обоснования и оправдания политических действий, стремятся к абстракции и грандиозности. Их отличают некоторая ограниченность и неопределенность действий. Возможны также «комбинированные» типы политиков, одинаково успешно проявляющих себя в каждой из названных сфер политической деятельности [22, с. 4, 14, 258–260].

Психологический анализ предусматривает также создание психобиографий политических деятелей, которые позволяют не только выявить влияние отдельных личностных характеристик политиков на конкретные события, но и рассматривать отдельного политика как модель определенного типа политической культуры. Одной из первых работ по политической психологии политиков является психобиография американского президента Т. В. Вильсона, написанная на основе его выступлений З. Фрейдом и дипломатом У. Буллитом [23]. Психобиографиями являются также исследования Дж. Поста по личностям С. Хуссейна и Б. Клинтона [24], а также Д. Уинтера, Л. Карлсона – по карьере Р. Никсона [25]. В известной мере к этому жанру исследований можно также отнести книгу Ст. Белковского «Владимир. Вся правда о Путине», опубликованную в 2014 г. в некоторых зарубежных странах, в том числе в Германии.

Психологический анализ лишь частично затрагивает мотивы политического деятеля, хотя именно они предопределяют его поведение [26, с. 175]. Поэтому для психологического исследования мотивационной сферы политиков Д. Уинтером был предложен *метод мотивационного анализа*, основанный на контент-анализе вербального материала. Он заключается в подсчете содержащихся в речах политических деятелей показателей трех видов мотивов: достижений, отношений и власти. Мотив достижения связан с рациональным сотрудничеством, мотив отношений – с сотрудничеством при определенных условиях, а мотив власти коррелирует с эксплуатацией и конфликтом. Доминирование одного из них позволяет оценить особенности политического поведения конкретного политика и спрогнозировать поддержку им определенного политического курса или решения [27].

В качестве примеров можно привести поведение таких представителей внесистемной оппозиции, как Б. Е. Немцов (убит 27 февр. 2014 г.), М. М. Касьянов и Г. А. Явлинский. Так, средний уровень мотива отношений характеризовал Б. Е. Немцова как сбалансированную личность. Низкая аффилиация при высоком уровне властной мотивации характеризовала бы его как авторитарного руководителя. Высокая аффилиация свидетельствовала бы о наличии «харизматических» черт, стремлении быть лидером и получать особое подтверждение легитимности своей власти в виде поддержки общества. У М. М. Касьянова преобладает мотив достижения над мотивом власти при низком уровне мотива отношений. Экс-премьер-министр относится к своей работе без лишних эмоций, с высоким чувством ответственности за результат. М. М. Касьянов лишен политических амбиций, карьерный рост для него связан с получением новой, более прибыльной работы, но никак не с борьбой за власть. Г. А. Явлинского отличает незначительное преобладание показателей мотива власти над показателями мотива достижения и низкий уровень мотива отношений. Этот тип предполагает, прежде всего, такие качества, как прагматизм и независимость. Для Г. А. Явлинского характерно умение использовать обстоятельства и добиваться своих целей. Он стремится к власти, чтобы реализовать определенные программы, но, будучи не слишком эмоциональным человеком (низкий уровень аффилиации), часто оказывается неспособен определить настроение электората [28, с. 21–25].

Наконец, относительно новой методикой психологического анализа политических коммуникаций является *интент-анализ*, позволяющий исследовать глубинное психологическое содержание речи, заключающееся в ее «интенциональном пласте», т. е. в намерениях, лежащих в основе речи и косвенно проявляющихся в словах, отражающих «видение мира» социальным субъектом, его желания, нужды и установки [29, с. 236]. Вместе с тем этот метод по своей сути является психосемантическим инструментом анализа, рассчитанным на субъективное оценивание исследователем соответствующих высказываний, что оставляет «точку неустойчивости» и возможности субъективизации результатов, требующих специальной проработки. Интент-анализ применяется как для интерпретации позиций нескольких участников политической дискуссии, так и для анализа конфликтных и кризисных политических ситуаций. Так, исследователи выявили интенциональную структуру конфликтных политических выступлений, которая была обозначена как форма «конфликтного треугольника».

Речь идет об особенности семантического состояния автора текста, когда в его сознании или подсознании доминируют три вида объектов, присутствующих в тексте. Первый объект – оппоненты, противники, враги (категория «они»); второй – автор и его сторонники (категория «мы»); третий – аудитория, к которой обращен текст, хотя она может быть причислена и к категории «мы». В тексте каждый объект «конфликтного треугольника» связан со своими интенциями. Так, противнику приписываются отрицательные оценки, по отношению к нему выявляются угрозы, обвинения, разоблачение, демонстрация силы, противостояние. Категория «мы» связана с положительными оценками, одобрением и усилением своих положительных качеств и действий, а также с отводом от себя (от «наших») всех возможных обвинений. По отношению к третьей стороне часто звучат призывы к действию, побуждения, оценка [30, с. 51].

Другой пример – это предвыборные интенции политиков, которые имеют своеобразную, присущую им речевую манифестацию, проявляющуюся в относительной выражен-

ности четырех основных интенциональных направленностей кандидатов: на избирателя; на себя и своих сторонников; на политического оппонента; на окружающую действительность. Направленность на избирателя предполагает: 1) привлечение избирателя на свою сторону. Поэтому в своей речи политик стремится завоевать внимание избирателя, вовлечь его в обсуждение, продемонстрировать его значимость; 2) консолидацию, которая выражается в призывах к объединению, в попытках возбудить недовольство и негативное отношение к «чужим»; 3) активизацию, выражающуюся в стремлении побудить к действиям, воодушевить, предупредить нежелательные действия, предостеречь и даже запугать.

Направленность на себя и своих сторонников проявляется как апологизация личных качеств и действий и одновременно как идентификация, отождествление себя с избирателем. Характерными для современного российского общества являются интенции манифестирования социально одобряемых качеств (смелость, честность и пр.), демонстрации компетентности и готовности действовать [31].

Подводя итог проведенного анализа методического инструментария изучения политических коммуникаций, можно сформулировать следующие выводы:

1. Основной технологией получения эмпирических данных, состоящей из определенной цепочки взаимосвязанных методов и методик, является политический мониторинг, который подразумевает использование наблюдения, анализа всевозможных политических документов, социологического опроса, экспертных интервью, контент-анализа и др. Эта технология предполагает не разовое исследование, а изучение некоторой последовательности событий, состоящих из определенных политических заявлений (сообщений политических коммуникаций), расположенных в хронологическом порядке, их соотнесение с развитием общей политической ситуации и обнаружение тенденций в действиях политических акторов.

2. Совокупность используемых лингвистическим подходом методик (риторический анализ, лингвокогнитивный анализ, метафорическое моделирование, семантический анализ, лингвоидеологический анализ, дискурс-анализ) позволяет выявить имплицитно представленные в политическом сообщении знания, ментальные схемы, лежащие в основе политического текста, исследовать эффективность речевого взаимодействия различных политических сил, проанализировать способы политического мышления в обществе, предсказать приближение кризисных состояний общественного сознания и построить прогностические модели.

3. Психологический подход, включающий в себя психологический, мотивационный и интент-анализ, позволяет при изучении политических коммуникаций в большей степени выявлять роль «человеческого фактора» в политических процессах.

4. Наконец с помощью перечисленных подходов становится возможным проведение комплексного анализа политических коммуникаций в современном российском обществе во всех проявлениях политико-коммуникативных процессов, включая их специфические особенности и тенденции дальнейшего развертывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Подорова-Аникина О. Н., Милецкий В. П. Коми: региональное измерение социодинамики политических коммуникаций современной России. Ухта: УГТУ, 2013. 165 с.
2. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара: Изд-во Самарского гос. ун-та, 1995. 328 с.

3. Milbrach L. W. The Nature of Political Beliefs and the Relationships of the Individual to the Government // *American Behavioral Scientists*. 1968. № 12. P. 28–36.
4. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
5. Хазагеров Г. Г. Политическая риторика. М.: Никколо Медиа, 2002. 313 с.
6. Макарова И. А. Языковая способность как объект интерпретационного подхода в психолингвистике // *Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: сб. науч. тр.* Рязань: Изд-во Рязанского гос. пед. ун-та, 2002. С. 11–17.
7. Гаврилова М. В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 296 с.
8. Сергеев В. М. Когнитивные методы в социальных исследованиях // *Язык и моделирование социального взаимодействия* / под общ. ред. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 3–20.
9. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1997. 245 с.
10. Гаврилова В. М. Концепт «справедливость» в новейшем русском политическом дискурсе // *Изв. УрГПУ. Лингвистика*. 2006. Вып. 17. С. 77–87.
11. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Г. А. Сатаров, Е. А. Шипова. М.: Фонд ИНДЕМ, 2004. 94 с.
12. Вершинина Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2002. 225 с.
13. Landsheer Ch. The political rhetoric of a United Europe // *Politically speaking: a worldwide examination of language used in the public sphere* / Ed. by O. Feldman. Westport: Praeger, 1998. P. 129–148.
14. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // *Язык и моделирование социального взаимодействия* / под общ. ред. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 88–125.
15. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: ЗУУНЦ, 1995. 145 с.
16. Fairclough N. *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press, 1992. 272 p.
17. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный Центр, 2008. 354 с.
18. Winter D. G. The personalities of Bush and Gorbachev: procedures, portraits and policy // *Political Psychology*. 1991. № 12. P. 215–245.
19. Российская политическая элита: анализ с точки зрения концепции человеческого капитала / А. В. Селезнева, И. И. Рогозарь-Колпакова, Е. С. Филистович и др. // *Полис*. 2010. № 4. С. 90–106.
20. Шестопап Е. Б. Политическая психология. М.: ИНФРА-М, 2002. 448 с.
21. Self-other orientations and political behavior // *A psychological examination of political leaders* / R. Ziller, W. Stone, R. Jackson, N. Terbovic; ed. by M. G. Hermann, T. W. Milburn. New York: Free Press, 1977. P. 176–204.
22. Лассуэлл Г. Психопатология и политика. М.: Изд-во РАГС, 2005. 352 с.
23. Фрейд З., Буллит У. Томас Вудро Вильсон: Двадцать восьмой президент США. М.: Прогресс, 1992. 285 с.
24. Post J. M. The Psychological assessment of political leaders with profiles of Saddam Hussein and Bill Clinton. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003. 480 p.
25. Winter D., Carlson L. Using motive scores in the psychobiographical study of an individual: The case of Richard Nixon // *J. of Personality*. 1988. Vol. 56. P. 75–103.
26. Ковалев В. И. Мотивы поведения и деятельности. М.: Наука, 1998. 192 с.
27. Power, affiliation and war: three tests of a motivational model / D. G. Winter, M. G. Hermann, W. Weintraub, S. G. Walker // *J. of Personality and Social Psychology*. 1993. № 3. P. 535–537.
28. Зорин В. А. Психологические профили политических лидеров России, Украины, Белоруссии // *Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе: сб. обзоров и рефератов* / отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 21–25.
29. Лапшова О. А. Психологическое содержание текста и его оценивание методами интент-анализа и психосемантики // *Психология высших когнитивных процессов* / под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. И. Чуприковой. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 236–250.

30. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. СПб.: Алетейя, 2000. 320 с.

31. Павлова Н. Д. Предвыборные выступления и понимание интенций политиков избирателями // Вопр. психологии. 2008. № 1. С. 36–45.

V. P. Miletskiy, N. P. Pimenov

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

MODERN RESEARCH TOOLS OF POLITICAL COMMUNICATION IN THE TRANSFORMING RUSSIAN SOCIETY

The article describes modern research tools of political communication. Today political science is increasingly drawn to applied research methods: political monitoring, linguistic and psychological methods. Comparative analysis of these methods is to identify their strengths and weaknesses and to delineate the research scope for each of them. The integrated use of the above mentioned methods creates the possibility to conduct a full analysis of political communication in the Russian context, to identify their specific features and trends for further deployment.

Political communication, political monitoring, linguistic method, psychological method, psychological portraits of Russian politicians

УДК 3.30.31.316

П. И. Смирнов

Санкт-Петербургский государственный университет

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПОЗИТИВИЗМУ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: НЕОБХОДИМОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ

Обосновывается необходимость возвращения к принципам позитивизма в теоретической социологии для адекватного отражения общечеловеческих проблем. Предпринимается попытка сблизить методологию познания в социологии с методологией естественных наук на основе метода моделирования. Рассматриваются принципы и средства построения теоретических моделей социальных явлений.

Позитивизм, моделирование, идеальный тип, тип взаимодействия

Введение. Поставленная в свое время О. Контом задача сблизить методологию общественных наук с естественнонаучной методологией нашла частичное решение в сфере эмпирической социологии. Статистическая обработка опросов общественного мнения и «следов» человеческого поведения, отраженных в информационном пространстве, позволяют прогнозировать результаты выборов, покупательский спрос и пр. Однако представленные в современной теоретической социологии школы, направления, подходы не позволяют адекватно отразить основные проблемы глобализирующегося общества и предложить их решение. Поэтому насущно необходимо вновь попытаться сблизить методологию общественных наук с естественнонаучной методологией. В настоящей статье в дискуссионном плане представлена попытка подобного сближения.

Уточнение проблемы и задач. Неудовлетворительное состояние теоретической социологии осознается многими социологами. В очередной раз это осознание нашло отра-